

И.С. Тургенев

Дворянское гнездо

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т87

Т87 **Тургенев И.С.**
Дворянское гнездо / И.С. Тургенев – М.: Книга по Требованию, 2019. –
324 с.

ISBN 978-5-518-09960-9

И.С. Тургенев. Дворянское гнездо

ISBN 978-5-518-09960-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА I.

Весенній, свѣтлый день клонился къ вечеру; небольшія розовыя тучки стояли высоко въ ясномъ небѣ и, казалось, не плыли мимо, а уходили въ самую глубь лазури.

Передъ раскрытымъ окномъ красиваго дома, въ одной изъ крайнихъ улицъ губернскаго города О.... (дѣло происходило въ 1842 году), сидѣли двѣ женщины: одна лѣтъ пятидесяти, другая уже старушка, семидесяти лѣтъ.

Первую изъ нихъ звали Марьей Дмитріевной Калитиной. Ея мужъ, бывшій губернскій прокуроръ, извѣстный въ свое время дѣлецъ, — человѣкъ бойкій и рѣшительный, желчный и упрямый, — умеръ лѣтъ десять тому назадъ. Онъ получилъ изрядное воспитаніе, учился въ университетѣ, но, рожденный

въ сословіи бѣдномъ, рано понялъ необходимость проложить себѣ дорогу и набить деньгу. Марья Дмитріевна вышла за него по любви; онъ былъ недурень собою, уменъ и, когда хотѣлъ, очень любезень. Марья Дмитріевна (въ дѣвицахъ Пестова) еще въ дѣтствѣ лишилась родителей, провела нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ институтѣ и, вернувшись оттуда, жила въ пятидесяти верстахъ отъ О..., въ родовомъ своемъ селѣ Покровскомъ, съ теткой да съ старшимъ братомъ. Братъ этотъ скоро переселился въ Петербургъ на службу и держалъ и сестру и тетку въ черномъ тѣлѣ, пока внезапная смерть не положила предѣла его поприщу. Марья Дмитріевна наслѣдовала Покровское, но не долго жила въ немъ; на второй же годъ послѣ ея свадьбы съ Калитинымъ, который въ нѣсколько дней успѣлъ покорить ея сердце, Покровское было промѣнено на другое имѣніе, гораздо болѣе доходное, но не-красивое и безъ усадьбы, — и въ тоже время Калитинъ приобрѣлъ домъ въ городѣ О..., гдѣ и поселился съ женою на постоянное жительство. При домѣ находился большой садъ; одной стороною онъ выходилъ прямо въ поле, за городъ. Стало быть, — рѣшилъ Калитинъ, большой неохотникъ до сельской тишины, — въ деревню таскаться не за чѣмъ. Марья Дмитріевна не разъ въ душѣ пожалѣла о

своемъ хорошенькомъ Покровскомъ съ веселой рѣчкой, широкими лугами и зелеными рощицами; но она ни въ чемъ не прекословила мужу и благоговѣла передъ его умомъ и знаніемъ свѣта. Когда же, послѣ пятнадцатилѣтняго брака, онъ умеръ, оставивъ сына и двухъ дочерей, Марья Дмитріевна уже до того привыкла къ своему дому и къ городской жизни, что сама не захотѣла выѣхать изъ О....

Марья Дмитріевна въ молодости пользовалась репутаціей миленькой блондинки; и въ пятьдесятъ лѣтъ черты ея не были лишены пріятности, хотя немного распухли и сплылись. Она была болѣе чувствительна, нежели добра, и до зрѣлыхъ лѣтъ сохранила институтскія замашки; она избаловала себя, легко раздражалась и даже плакала, когда нарушались ея привычки; за то она была очень ласкова и любезна, когда всѣ ея желанія исполнялись и никто ей не прекословилъ. Домъ ея принадлежалъ къ числу пріятнѣйшихъ въ городѣ. Состояніе у ней было весьма хорошее, не столько наслѣдственное, сколько благопріобрѣтенное мужемъ. Обѣ дочери жили съ нею; сынъ воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ казенныхъ заведеній въ Петербургѣ.

Старушка, сидѣвшая съ Марьей Дмитріевной подъ окошкомъ, была та самая тетка, сестра ея отца, съ которою она провела нѣкогда нѣсколько уединенныхъ

лѣтъ въ Покровскомъ. Звали ее Мареой Тимофеевной Пестовой. Она слыла чудачкой, нравъ имѣла независимый, говорила всѣмъ правду въ глаза и при самыхъ скудныхъ средствахъ держалась такъ, какъ будто за ней водились тысячи. Она терпѣть не могла покойнаго Калитина, и какъ только ея племянница вышла за него за-мужъ, удалилась въ свою деревушку, гдѣ прожила цѣлыхъ десять лѣтъ у мужика въ курной избѣ. Марья Дмитріевна ея побаивалась. Черноволосая и быстроглазая даже въ старости, маленькая, востроносая, Мареа Тимофеевна ходила живо, держалась прямо и говорила скоро и внятно, тонкимъ и звучнымъ голоскомъ. Она постоянно носила бѣлый чепецъ и бѣлую кофту.

— О чемъ ты это? спросила она вдругъ Марью Дмитріевну. О чемъ вздыхаешь, мать моя?

— Такъ! промолвила та. — Какія чудесныя облака!

— Такъ тебѣ ихъ жалко, что ли?

Марья Дмитріевна ничего не отвѣчала.

— Чтò это Гедеоновскій нейдетъ? проговорила Мареа Тимофеевна, проворно шевеля спицами. (Она вязала большой шерстяной шарфъ). Онъ бы повздыхалъ вмѣстѣ съ тобою, — не то, совралъ бы что-нибудь.

— Какъ вы всегда строго о немъ отзываетесь!
Сергѣй Петровичъ — почтенный человѣкъ.

— Почтенный! повторила съ укоризной старушка.

— И какъ онъ покойному мужу былъ преданъ!
проговорила Марья Дмитріевна: — до сихъ поръ
вспомнить о немъ равнодушно не можетъ.

— Еще бы! тотъ его за уши изъ грязи выта-
щилъ, проворчала Марѳа Тимофеевна, и спицы
еще быстрѣ заходили въ ея рукахъ.

— Глядитъ такимъ смиренникомъ, начала она
снова, — голова вся сѣдая, а что ротъ раскроетъ,
то солжетъ или насплетничаетъ. А еще статскій
совѣтникъ! Ну, и то сказать: поповичъ!

— Кто же безъ грѣха, тетушка? Эта слабость въ
немъ есть, конечно. Сергѣй Петровичъ воспитанія,
конечно, не получилъ, по-французски не говоритъ;
но онъ, воля ваша, пріятный человѣкъ.

— Да, онъ ручки у тебя все лижетъ. По-фран-
цузски не говоритъ, — эка бѣда! Я сама не сильна
во французскомъ «діалектѣ». Лучше бы онъ ни
покаковски не говорилъ: не лгалъ бы. Да вотъ онъ,
кстати, легокъ на поминѣ, прибавила Марѳа Тимофе-
евна, глянувъ на улицу. — Вонъ онъ шагаетъ, твой
пріятный человѣкъ. Экой длинный, словно аистъ!

Марья Дмитріевна поправила свои локоны. Марѳа
Тимофеевна съ усмѣшкой посмотрѣла на нее.

— Что это у тебя, никакъ сѣдой волосъ, мать моя? Ты побрани свою Палашку. Чего она смотреть?

— Ужь вы, тетушка, всегда.... пробормотала съ досадой Марья Дмитріевна и застучала пальцами по ручкѣ креселъ.

— Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій! пропищаль краснощекай козачокъ, выскочивъ изъ-за двери.

ГЛАВА II.

Вошелъ человекъ высокаго роста, въ опрятномъ сюртукѣ, коротенькихъ панталонахъ, сѣрыхъ замшевыхъ перчаткахъ и двухъ галстукахъ — одномъ черномъ сверху, другомъ бѣломъ снизу. Все въ немъ дышало приличіемъ и пристойностью, начиная съ благообразнаго лица и гладко причесанныхъ висковъ до сапоговъ безъ каблучковъ и безъ скрыпу. Онъ поклонился сперва хозяйкѣ дома потомъ Марѣ Тимофеевнѣ и, медленно стащивъ перчатки, подошелъ къ ручкѣ Марьи Дмитріевны. Поцѣловавъ ее почтительно и два раза сряду, онъ сѣлъ не торопясь на кресла и съ улыбкой, потирая самые кончики пальцевъ, проговорилъ:

— А Елизавета Михайловна здоровы?

— Да, отвѣчала Марья Дмитріевна, — она въ саду.

— И Елена Михайловна?

— Леночка въ саду тоже. — Нѣтъ ли чего новенькаго?

— Какъ не быть-съ, какъ не быть-съ, возразилъ гость, медленно моргая и вытягивая губы. Гмъ!... да вотъ, пожалуйста, есть новость, и преудивительная: Лаврецкій Ѳедоръ Ивановичъ пріѣхалъ.

— Ѳедя! воскикнула Марфа Тимофеевна. — Да ты, полно, не сочиняешь ли, отецъ мой?

— Никакъ нѣтъ-съ, я ихъ самолично видѣлъ.

— Ну, это еще не доказательство.

— Очень поздоровѣли, продолжалъ Гедеоновскій, показывая видъ, будто не слышалъ замѣчанія Марфы Тимофеевны. — Въ плечахъ еще шире стали, и румянецъ во всю щеку.

— Поздоровѣлъ, произнесла съ разстановкой Марья Дмитріевна;—кажется, съ чего бы ему здоровѣть?

— Да-съ; возразилъ Гедеоновскій, — другой, на его мѣстѣ и въ свѣтъ-то показаться посовѣстился бы.

— Это отчего? перебила Марфа Тимофеевна? это что за вздоръ? человѣкъ возвратился на родину — куда жъ ему дѣться прикажете? И благо онъ въ чемъ виновать былъ!

— Мужъ всегда виновать, сударыня, осмѣлюсь вамъ доложить, когда жена нехорошо ведетъ себя.

— Это ты, батюшка, оттого говоришь, что самъ женатъ не былъ. — Гедеоновскій принужденно улыбнулся.

— Позвольте полюбопытствовать, спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія, — кому назначается этотъ миленькій шарфъ?

Марѳа Тимофеевна быстро взглянула на него.

— А тому онъ назначается, возразила она, — кто никогда не сплетничаетъ, не хитритъ и не сочиняетъ, если только есть на свѣтѣ такой человѣкъ. Оедю я знаю хорошо; онъ только тѣмъ и виноватъ, что ба-ловалъ жену. Ну да и женился онъ по любви, а изъ этихъ изъ любовныхъ свадебъ ничего путнаго никогда не выходитъ, прибавила старушка, косвенно взглянувъ на Марью Дмитріевну и вставая. — А ты теперь, мой батюшка, на комъ угодно зубки точи, — хоть на мнѣ; я уйду, мѣшать не буду. — И Марѳа Тимофеевна удалилась.

— Вотъ она всегда такъ, проговорила Марья Дмитріевна, проводивъ свою тетку глазами, — всегда!

— Лѣта ихнія! Чтò дѣлать-съ! замѣтилъ Гедеоновскій. — Вотъ онѣ изволятъ говорить: кто не хитритъ. Да кто нонеча не хитритъ? — вѣкъ ужъ такой. — Одинъ мой пріятель, препочтенный, и, доложу вамъ, не малаго чина человѣкъ, говаривалъ: что нонеча, молъ, курица — и та съ хитростью къ зерну прибли-

жается—всё норовить, какъ бы съ боку подойти.— А какъ погляжу я на васъ, моя барыня: нравъ то у васъ истинно ангельскій; пожалуйте-ка мнѣ вашу бѣлоснѣжную ручку.

Марья Дмитріевна слабо улыбнулась и протянула Гедеоновскому свою пухлую руку съ отдѣленнымъ пятымъ пальчикомъ. Онъ приложился къ ней губами, а она пододвинула къ нему свое кресло и, слегка нагнувшись, спросила въ полголоса:

— Такъ видѣли вы его? Въ самомъ дѣлѣ онъ — ничего, здоровъ, веселъ?

— Весель-съ, ничего-съ, возразилъ Гедеоновскій шепотомъ.

— А не слыхали вы, гдѣ его жена теперь?

— Въ послѣднее время въ Парижъ была-съ; теперь, слышно, въ итальянское государство переселилась.

— Это ужасно, право, — Ѳедино положеніе; я не знаю, какъ онъ переносить. Случаются, точно, несчастія со всякимъ; но вѣдь его, можно сказать, на всю Европу распубликовали.

Гедеоновскій вздохнулъ.

— Да-съ, да-съ. — Вѣдь она, говорятъ, и съ артистами, и съ пѣянистами, и, какъ тамъ по ихнему, со львами да со звѣрями знакомство вела. Стыдъ потеряла совершенно.